

ВТОРОЙ БУНТ ДУХА
(Интерпретация поэмы Лермонтова "Демон")

А. Фейер

Лермонтовым, как и многими крупными европейскими поэтами и писателями, был разработан миф о грехопадении.

В первом стихе поэмы Демон назван "Духом изгнания." Демон, парящий в темных сферах мирового пространства, когда-то был ангелом, небожителем. Но вкусив от горького плода познания, он утратил чистоту: вера уступила месту сомнению, любовь - ненависти. С тех пор гордый Дух, этот противник бога, сеет на земле раздор и бунт: неся знание, он нарушает мировую гармонию, творит зло.

Будучи знаком с традиционным истолкованием этого мифа в европейской литературе, Лермонтов сознательно перерабатывает миф, "ведет" его дальше. В традиционном варианте мифа можно выделить два состояния, в которых пребывает Дух: до грехопадения, и после него. Герой же поэмы Лермонтова предстает перед нами в каком-то третьем обличье. К тому моменту, с которого начинается поэма, Вечный Дух отрицания уже свершил свою миссию. Его усилия увенчались успехом: созданные по образу и подобию божьему люди отказались от благородных стремлений, прекратили борьбу за самоутверждение. Демон признается Тамаре:

И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Все благородное бесславил
И все прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...¹

Дух Вечного Отрицания потому и превращается в Демона, потому и предстает перед нами в каком-то третьем обличье, что в лермонтовской интерпретации мифа в людях угасли благие стремления, творческий дух, и то отрицание, которое несет с собой Демон, не встречает сопротивления. В интерпретации Лермонтова миф получа-

¹ Цитаты по изданию: М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в четырех томах. Гослитиздат, М., 1964.

ет неожиданный и удивительный поворот: Дух одерживает победу, "грешная земля" становится добычей Демона.

Но торжество оказывается для Демона катастрофой. Одержав победу, беспокойный дух вынужден бездействовать: поскольку он не может творить зло, он становится лишним. С этого момента начинаются страдания Духа. Демона мучит сознание бессмысленности собственного существования и ненужности своей деятельности. Скука и одиночество обрушиваются на него: он вынужден нести бремя бесконечности пространства и времени. Одержавший победу Дух жалуется Тамаре:

О! если б ты могла понять,
 Какое горькое мученье
 Всю жизнь, века без разделенья
 И наслаждаться и страдать,
 За зло похвал не ожидать,
 Ни за добро вознаграждения;
 Жить для себя, скучать собой
 И этой вечною борьбой
 Без торжества, без примиренья!
 Всегда жалеть и не желать,
 Все знать, все чувствовать, все видеть,
 Стараться все возненавидеть
 И все на свете презирать.

Хотя это кажется странным, мы должны признать, что в критической литературе до сих пор не раскрыта оригинальность лермонтовской концепции. В работах, анализирующих поэму, авторы не замечали различия между вторым и третьим состоянием Духа, и это привело к тому, что мотив угасания творческого духа в людях не был выделен; исследователи также не приняли во внимание и вытекающие отсюда последствия: пиррову победу Духа и превращение самого отрицания в нечто ненужное. В лермонтоведении принято трактовать образ Демона как образ бунтаря-индивидуалиста и в свете этих укоренившихся представлений объяснять отчаяние Демона закономерным крахом бунтаря. Этой традиции придерживается и Е. Пульхритудова — автор наиболее полного современного анализа поэмы.²

² Е. Пульхритудова. "Демон" как философская поэма — В кн.: Творчество М.Ю. Лермонтова. "Наука", М., 1964, стр. 76–106.

Интерпретация, предложенная Пульхритудовой, противоречит природе разработанного Лермонтовым мифа. Правда, миф говорит о крахе бунта, но в контексте мифа крах осмысливается принципиально иначе. Крах индивидуалистического бунта согласно мифу состоит в том, что цель его – разрушение божественного миропорядка – никогда не может быть достигнута, что такие попытки будут вновь и вновь обречены на неудачу. Но поражение самого бунтаря никогда не является окончательным, непоправимым, для него всегда открыта возможность вновь и вновь повторять свои попытки. В произведении И. Мадача, которое также строится на мифе о грехопадении, эта мысль достаточно четко сформирована. Восставший Дух – Люцифер – из "Трагедии человека" обращается к Богу:

Ты победил меня. Покорен я судьбе –
Я поражение всегда терплю в борьбе,
И с новой силой я бунтую вечно.³

Итак, восставшего на миропорядок не страшат поражения: он сознает себя вечным духом отрицания в двойном значении: с одной стороны он вечно должен довольствоваться вторым после Бога местом, с другой стороны – это место навсегда вечные принадлежит ему. Павший ангел не только прекословит творцу тогда, когда его изгоняют из рая, но с тех пор отрицает все на свете: он не изменяет себе, не "печалится", потому что, как упрямо повторяет Люцифер Мадача: "... кроме своей сути, Дать не могу я ничего иного".⁴

В том мире, который изображает миф, нет такой силы, которая могла бы противостоять космической энергии Духа. Исходя из тех принципов, на которых строится миф, невозможно объяснить овладевшую гордым бунтарем слабость. Да и какое же отчаяние смогло бы затуманить разум, несущий свет всему человечеству? Каким образом может Дух дойти до такого глупого заблуждения, чтобы поверить, что он может стать другим, не тем, что он есть, чтобы надеяться, что он может отказаться от роли, предназначенной ему со времен сотворения мира?

³ И. Мадач: Трагедия человека. Перевод Л. Мартынова. Изд. "Искусство". М., 1964, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 9.

Интерпретатор поэмы соединяет несовместимое, когда предполагает, что отверженный Дух страдает потому, что, взбунтовавшись, он сам обрек себя на ад скуки и одиночества. Разочарование Демона не вытекает из его бунта, так же как и его изгнание из рая не вытекло из того, что он некогда был ангелом. Смиранный ангел стал Духом отрицания потому, что возник новый, несовместимый с его ангельской сущностью фактор: познание. Бунтарь-индивидуалист был вынужден отказаться от своей гордой обособленности в результате противостоящего его сущности внешнего фактора - угасания в людях творческого духа. Одиночество и ужасная скука, "уничтожающие" Демона, не проистекают из отверженности и отчужденности бунтаря-индивидуалиста. Бунтарь-индивидуалист навлек на себя гнев бога, выступил против творения бога в целом, и потому он никогда не остается по-настоящему наедине с собой: мироздание становится подмостками, на которых он играет свою роль. Свое отъединение от мироздания Демон принимает с гордым упрямством. Мучительное сознание одиночества овладевает им лишь тогда, когда его отчужденность становится бессмысленной в результате крушения метафизического миропорядка, когда в открытом ему бесконечном времени и пространстве ему приходится спасаться от самого себя.

Когда-то бунт повлек за собой тяжелую кару: падший ангел был изгнан из рая. Однако, именно поэтому он стал антогонистическим началом мироздания. Но в результате крушения миропорядка ему предстоят еще более тяжелые испытания. Свершив свою миссию, не имея перед собой более объекта для отрицания, Дух отрицания оказывается как бы вторично изгнанным: теперь уже не из мира гармонии - из рая - но из всего дисгармонического мироздания. Не встречая препятствий, он оказывается наедине с самим собой, он вынужден отрицать себя. ("Нигде искусству своему он не встречал сопротивления - И зло наскучило ему"). Это - генезис лермонтовского героя, с этой мертвой точки демонического состояния духа начинается поэма Лермонтова.

Пришедший в разлад с самим собой, Дух хочет положить конец своим бессмысленным страданиям. Бывший упрямый бунтарь испытывает

неутолимую тоску по блаженству неба. Увидев земную девушку, Тамару, Демон начинает надеяться, что он сможет освободиться от ада скуки и одиночества.

Тамара еще живет в раю детства, ее необыкновенная красота объясняется естественной гармонией чистой девичьей натуры. Тамара – под защитой своего непосредственного, чувственного и естественного восприятия мира, рефлексия еще не разрушила цельности ее натуры. И только "тайное сомнение", которое охватывает ее при мысли о скором замужестве, свидетельствует о том, что гармония скоро нарушится: "дитя свободы" станет рабыней, ее детская красота будет принесена в жертву "коварной мечте" жениха. Тамара напоминает Демону небесных ангелов, духов рая, окружавших его некогда, но поэма содержит в себе намек на то, что Тамаре уготована судьба всех земных женщин.

В поэме появлению Тамары, изображению ее танца, предшествует описание цветущих долин Грузии. В истолковании Пульхритудовой долина – это символ души Тамары. По нашему мнению поэтическое значение этих двух мотивов не может быть одинаковым, так как долина и танцующая красавица вызывают в Демоне противоположные чувства. В долине Демон "все презирал, иль ненавидел", роскошь южной природы вызвала в нем лишь "холодную зависть", девушка же пробуждает в нем надежду на воскресение. Объяснить это можно только тем, что долина для Демона – это грешная земля, "презрение и ненависть" вызывает падший мир, а образ Тамары противопоставит этому миру.

Эту противопоставленность подчеркивает различие в двух идеалах красоты. Цышность растительности, неисчерпаемое разнообразие красок, запахов, звуков, красота грузинских девушек, – все в долине говорит о буйном цветении жизненных сил. движения же танцующей Тамары благородны, сдержанны, стыдливы, выражают чувство и мысль: ("И были все ее движения Так стройны, полны выраженья, Так полны милой простоты.") Нам кажется, что поэтический текст не позволяет считать образ девушки олицетворением непосредственной, чувственной красоты и приравнивать этот образ к образу долины. В чувственной красоте долины не только нет одухотворенности, но, отказавшись от попыток сознательного восстановления утра-

ченной гармонии, долина как бы насмехается над духом. Долина не рай, который мог бы служить убежищем ангелоподобной Тамаре, а подчинившийся власти Демона неподвижный мир, в котором утрата чистоты неизбежно влечет за собой проклятие.

В своем анализе Пульхритудова не придает значения тому обстоятельству, что описанию цветущей долины противостоит описание гор – суровый, мертвый пейзаж. Снеговые вершины, темные пропасти, извивающиеся змеей, ревущие горные потоки, фантастические скалы и мрачные замки наводят на мысль о проклятости этого места, внушают, что все здесь – во власти какой-то злой силы. В описании пейзажа, сочетающего огромность размеров и разнообразие форм, нет торжественности и величия.

Если в долине чувственное начало как бы издевается над духовным, то здесь духовное презирает чувственное. Если там, в долине, покинутая Духом жизнь лениво течет, лениво плодится, то здесь, в горах, неуправляемая воля одичавшего Духа творит чудовищные формы. Жители долины не знают возможностей духа, чудовища же гор презирают чувственный мир.

Гора и долина, вершины Кавказа и долины Грузии, символизируют землю, поработенную Демоном. Вслед за угасением творческого духа окончательно распалась связь между духом и эмпирией. Обитатели земли больше не стремятся к восстановлению внутреннего равновесия: жители долины "глупо" не признают своих противоречий, а горный мир "лицемерно" не хочет о них знать. Демон не принимает землю, которая ему легко досталась: ("А стоила ль трудов моих Одна глупцы да лицемеры"), он презирает глупцов, ненавидит лицемеров.

Чистота Тамары беззащитна и одинока в погрязшем в грехах мире. Демон хочет помочь Тамаре: он знакомит ее с миром духов, он доказывает оплакивающей жениха девушке, что эмпирический мир конечен и односторонен:

На воздушном океане,
 Без руля и без ветрил,
 Тихо плавают в тумане
 Хоры стройные светил;
 Средь полей необозримых
 В небе ходят без следа

Облаков неуловимых
 Волокнистые стада.
 Час разлуки, час свиданья —
 Им ни радость, ни печаль;
 Им в грядущем нет желанья
 И прошедшего не жаль.
 В день томительный несчастья
 Ты об них лишь вспомни;
 Будь к земному без участия
 И беспечна, как они!

Свершается неожиданное и радостное: дочь долины, приобщившись к миру духов, оказывается способной и после того как бессознательная гармония ее души нарушается не отказаться от своей детской чистоты. Для падшего человека снова открывается возможность верить в восстановление утраченной гармонии. Тамара избегала участи глупцов и лицемеров, и среди тупых или диких обитателей земли ее обособленное существование становится конфликтным. Потеряв былую непосредственность и неопытность, она не отвергла ни чувственное, ни духовное начало. Хотя она узнала противоречивость бытия, она не приняла ее, но, не приняв противоречивость бытия, она не забыла об этом.

С образом Тамары, отведавшей от горького плода познания, молящейся об искуплении, символически связан третий пейзаж: в долине, окруженной горами, стоит монастырь. Соседство гор и долины меняет — смягчает — и тот, и другой пейзаж: поднимающиеся вдали суровые горы при взгляде из долины кажутся "светло-лиловой" стеной; мирная долина скромно вписывается в широко раскинувшуюся панораму. Расширение перспективы одухотворяет пейзаж, а соседствующие друг с другом контрасты вводят его в определенные рамки. Венчающая картину снежная вершина привносит в мир долины мотив торжественности и благородного достоинства. Голубой рассвет и смиренный покой в окрестностях монастыря одновременно выражают тоску по миру духовному и покорность, с которой избывается бремя бытия.

Человек, вспоминая то время, когда он был еще невинным, и надеющийся обрести это состояние снова, считает свое теперешнее состояние переходным. Земная жизнь предстает перед ним в виде печальной юдоли; сознательная жизнь означает для него поэтому добровольно принятые на себя страдания. Измученная Демоном, Тамара теряет желание жить, уходит в монастырь и доверяет "спасителю" сердце, "бывшее беззаконною мечтой". Молящаяся в монастыре Тамара верит: наперекор всему, опираясь лишь на человеческую потребность в вере, она верит в призвание человека и в то, что человек должен быть достойным своего призвания.

Встретив Тамару, испепеленный, опустошенный Дух испытывает незнакомое ему доселе чувство: "тоску любви", любовную страсть. Дух отрицания понимает, что означает "святыня любви, добра и красоты", он больше не способен желать зла: ("И слов коварных искушений найти в уме своем не мог..."). Бывший Дух познания умоляет о любви земную девушку, он нее он ждет спасения. Падший ангел вновь хочет верить и любить, бунтарь готов к тому, чтобы навсегда отказаться от своей гордой отчужденности, навеки отречься от своего прометеева призвания:

Я отрекся от старой мести,
 Я отрекся от гордых дум;
 Отныне яд коварной лести
 Начей уж не тревожит ум;
 Хочу я с небом примириться,
 Хочу любить, хочу молиться,
 Хочу я веровать добру.
 Слезой раскаянья сотру
 Я не челе, тебя достойном,
 Следы небесного огня -
 И мир в неведение спокойном
 Пусть доцветает без меня!

Демон, познавший любовь, искренен, но несмотря на искренность, его признания не могут быть истинными. Как бы ему ни хотелось, он не может отречься от своего прошлого, от своей сущности:

ведь он не может — и, в соответствии со своей природой, не хочет — ничего забыть: ("Ему забвенья не дал бог, Да он и не взял бы забвенья"). Напрасно противопоставляет он свою титаническую волю своей демонической природе. Что бы он ни делал, он действует в соответствии со своей бунтарской природой. Он восстает и тогда, когда отрицает творца в творении, и тогда, когда разрушает божественный творческий дух в человеке, когда подрывает в человеке веру. Он восстает и тогда, когда отрицание приходит в столкновение с божественным утверждением, когда дух разрушения уравнивается божественным созданием. Но этот антагонист духа создания лишь тогда по-настоящему угрожает божественному миропорядку, лишь тогда становится устрашающим, когда не принимает самого себя, готовится отказаться от назначенной ему в мироздании роли.

Влюбленный Демон хочет любить, но Дух познания не способен любить. В то же время Демон не может в этом признаться, так как Дух отрицания не признает ничего, кроме собственной титанической воли. Демон влюблен в Тамару, но Демон не любит ее. Вечный Дух не может любить земную девушку, потому что, презирая все мироздание, он презирает и человека — земное творение создателя. Демон, жаждущий любви, для того, чтобы любить предмет своего влечения, собирается сделать девушку достойной своей любви. У него есть определенный замысел, и этот замысел, соответствующий титанической натуре Демона, грандиозен. Поскольку любовь Духа не терпит пределов, положенных человеческим отношениям, он намеревается сделать Тамару "царицей мира". Охваченный страстью, он рисует картину апофеоза своей любимой:

Толпу духов моих служебных
 Я приведу к твоим стопам;
 Прислужниц легких и волшебных
 тебе, красавица, я дам;
 И для тебя с звезды восточной
 Сорву венец я золотой;
 Возьму с цветов росы полночной;
 Его усыплю той росой;
 Лучом румяного заката
 Твой стан, как лентой, обовью,
 Дыханьем чистым аромата

Окрестный воздух напою;
 Всечасно давнюю игрок
 Твой слух лелеять буду я;
 Чертоги пышные построю
 Из бирюзы и янтаря;
 Я опущусь на дно морское,
 Я полечу за облака,
 Я дам тебе все, что земное —
 Люби меня!...

Если раньше Демон заставил Тамару уйти из долины, то теперь он хочет заставить ее уйти из монастыря. Какющаяся Тамара живет под защитой монастырских стен, "без страстей, среди молитв", "равно далеко от божества и людей", убивает свой дух и тело. Влюбленный Демон собирается спасти Тамару, но он хочет спасти ее в соответствии со своим замыслом. Он убеждает Тамару довериться ему и самой не пытаться больше получить искупление.

Демон исполнен благих намерений, но отрекшийся от самого себя Дух не ведает, что творит. Собираясь вырваться из своего одиночества, Демон хочет спасти человека. Однако, Демон не знает, к чему он готовится, так как он не понимает людей и, несмотря на безграничность познания, никогда не поймет их, потому что не любит людей. Дух познания всеведущ, но так как ему не ведома любовь, его познание не всемогуще: это — познание "падшее", познание отрицания; и поскольку все отрицается, человек для такого познания оказывается недоступным. Дух познания рассматривает человека — подобно всем остальным явлениям мира — как объект познания, поэтому он не знает, не может знать, что человек — не просто совокупность качеств и способностей. Демон не способен постичь, что человеком является лишь тот, кто хочет быть человеком. Дух чистого познания никогда не признает, что нельзя постичь человека, не рассматривая его в человеческом аспекте. Человек больше того, чем он представляется Духу познания, но Дух познания не в состоянии этого понять.

Демон знает, что человек несет в себе противоречие духовного и чувственного начала, потому что душа человека, поддающегося искушению и легко теряющего веру, распадается на эти составные

элементы. Однако, Демон не знает, что человек остается человеком лишь в той степени, в какой ему удастся преодолеть в себе противоречие духовного и чувственного начала. Земное существо может сохранить свой человеческий облик только в том случае, если оно непрерывно стремится к тому, чтобы присущая ему чувственность была проникнута духом, а дух был связан с чувственным миром. В борьбе человека за самого себя дух и эмпирия неизбежно ограничивают друг друга. Дух познания не видит цели этой борьбы, и поэтому считает вынужденное самоограничение человека бессмысленным. В его представлении человек — это не что иное как совокупность духовного и чувственного начал. Поэтому он хочет возвысить человека, усовершенствуя в отдельности обе стороны человеческой природы. Поставив перед собой задачу воскресить человека, Демон взамен ограниченности человеческого существования предлагает Тамаре всю полноту эмпирического мира и свой титанический дух.

Демон не способен любить, но Демон и не хочет любить человека: он намерен создать такое существо, которое бы удовлетворяло его демоническим желаниям, которое позволяло бы ему, Демону, познать любовь. Дух познания хочет "верить и любить", злой дух намерен служить добру, бывший бунтарь хочет примириться с богом. На самом же деле Демон и теперь бунтует, еще самонадеяннее и абсурднее, чем когда-либо. Опьяненный победой, Демон полагает, что создатель повержен, и теперь он — хулиатель мироздания — призван восстановить пошатнувшийся миропорядок и отлить для человека — этого жалкого ничтожества, смеси глины и духа — совершенную форму. Вечный дух отрицания косвенно признавал бога: признавал в том смысле, как предполагают существования друг друга взаимоисключающие полюсы. Но в результате катастрофической своей победы бывший отрицатель становится безбожником. В своей глупой самонадеянности или в малодушном отчаянии он полагает, что ему все дозволено, и даже идет дальше: стремится занять место бога, отнять у него роль создателя, творца. Копируя бога, Демон собирается создать человека по своему образу и подобию. О закономерном крахе этой кощунственной попытки, о втором бунте Духа и говорит поэма Лермонтова.

Пульхритудова называет Демона, не желающего считаться с лубым, препятствующим его воле фактором, волюнтаристом. Демон, действительно, не считается с реальностью, но нельзя упускать из виду тот факт, что ничто и не препятствует его демонической воле. Творческое начало потерпело крах. Так создается видимость, что все оправдывает волюнтаризм Демона: земля оставлена на произвол злого духа. Демон прав, когда на предостережение Тамары: "А бог!" — отвечает: "На нас не кинет взгляда, Он занят небом, не землей."

Дух познания не должен считаться с "объективной" властью, определяющей порядок вещей, поскольку эта власть не заявляет о себе: вопреки желанию творца творение его оказалось поверженным, восставший дух вопреки "закону" одержал победу. Вера Тамары также не является препятствием для Демона. Хотя ее вера не поколеблена, она уступает просьбам Демона, потому что жалеет страдающего, потому что вера обязывает ее отдавать переполняющую ее любовь каждому страждущему.

Узнав Демона, спасаясь от него, Тамара уходит в монастырь. Но святые стены не защищают ее от посещений таинственного незнакомца: усердные молитвы, чистосердечные покаяния — все напрасно. Напрасной оказывается стойкость ее веры, напрасным оказывается смирение, с которым она переносит все испытания. Нет больше надежды на возвращение душевного спокойствия. Стойкая вера может спасти от искушений злого духа, но она беззащитна перед тем смятением души и тела, которое вызывает в ней кающийся Демон. Чудовищно сочетающий в себе контрасты, Демон родился в результате распада миропорядка, и берущий человек ощущает себя совершенно беспомощным, когда оказывается перед лицом такого распада:

То не был ангел-небожитель,
 Ее божественный хранитель:
 Венец из радужных лучей
 Не украшал его кудрей.
 То не был ада дух ужасный,
 Порочный мученик — о нет!
 Он был похож на вечер ясный:
 Ни день, ни ночь — ни мрак, ни свет!...

До самого конца, до самого принятия рокового решения, Тамара не знает, кто перед ней. Так она становится соучастницей задуманного демонического плана.

Тамара не знает, кто такой Демон, потому что Тамара, природа которой есть беспредельная любовь, не знает ничего кроме любви. Когда Демон знакомит Тамару с духовным миром, он пробуждает в ней жажду знания, но, до бесконечности разжигая эту жажду, он не дает ей знания. Какющийся дух и не может дать знание этой земной девушке, ведь, увидев ее, он отказался от своего прометеява призвания. Влюбленный Демон оставляет свою любимую в неведении, потому что отказавшийся от себя дух может пробудить только любовь в земной девушке, потому что жаждущий искупления Демон нуждается в любви Тамары.

Любовь же Тамары, лишенная знания, так же ущербна, как чистое знание, которым обладает дух, лишенное любви. Хотя любовь Тамары бесконечно велика, без знания она не всемогуща, она не может быть помощью страждущему, не может воскресить дух. Бесконечность любви не позволяет Тамаре отдаться познанию. Безмерная любовь до бесконечности разжигает жажду знания, и эта жажда заставляет Тамару отказаться от той задачи, которая стоит перед человеком: Тамара отказывается от утверждения своей личности, отказывается от того, чтобы в борьбе прийти к познанию. Побуждаемая безграничной любовью, Тамара ставит перед собой фантастическую задачу: воскрешение вечного духа. Поэтому она внимает доводам духа, и, повинаясь Демону, от измельчавшего человеческого мира обращается к космической трагедии демонического существования:

Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений
Перед минутой одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь иль труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть - ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!

Моя ж печаль бесценно тут,
 И ей конца, как мне, не будет;
 И не вздремнуть в могиле ей!
 Она то ластится, как змей,
 То жжет и плещет, будто пламень,
 То давит мысль мою, как камень —
 Надежд погибших и страстей
 Несокрушимый мавзолей! ...

Взяв на себя задачу искупления духа, Тамара исполняет желания Демона, но одновременно во имя жертвенной любви, она поступает так, как предписывает вера. Отдавая себя во власть Демона, она отказывается от самой себя, но, следуя велениям веры, уже тогда, когда Тамара уходит в монастырь, она отказывается от стоящей перед человеком задачи утверждения человеческой личности. Желания верующей девушки и стремления безбожного духа естественно сходятся. Напрасно Тамара хранит веру, напрасно отвергает доводы Демона: тем, что она терпит присутствие Демона, слушает его жалобы, распространяет и на него свою любовь, она становится соучастницей демонического замысла. Смиренная вера Тамары беспомощна перед лицом губительной силы, воплощенной в Демоне: кроткая верующая вместе с бунтующим духом погружается в "пучину демонического познания".

Смиренная покорность Тамары и надменный бунт Демона, вера одной и безверие другого, взаимно обуславливают и дополняют друг друга. Аскетизм Тамары, убивающий и плоть, и дух человека, и титанический идеал человека, созданный Демоном, равно бесчеловечны. Подобно Демону — ее антиподу — Тамара тоже не понимает человека, потому что ее иррациональная вера — исповедание любви — делают ее видение односторонним и не дают ей возможности понять человека. Дух воспринимает человека как объект познания и, бесстрастно взвесив факты, признает лишь духовную и плотскую суть обитателей земли. Верующая девушка, поддаваясь внушениям любви, выделяет в человеке лишь стремление к добру, и, преклоняясь только перед этим стремлением, не замечает жалкого существования павшего человека. Дух не в состоянии понять, что даже при идеальном развитии духовных и эмпирических возмож-

ностей только тот остается человеком, кто сам хочет быть человеком, кто стремится к тому, чтобы духовное и эмпирическое начала взаимопроникали друг в друга. Вера девушки не может привести к тому, чтобы при стремлении к равновесию и гармонии духовного и эмпирического начал, сами эти начала — хотя бы в зачатке — обязательно сохранились. Поэтому верующая Тамара принимает искреннюю, но в то же время ложную, клятву Демона, поэтому она жертвует своей земной человеческой личностью во имя загробного спасения.

В противовес безбожнику-Демону Тамара верит в бога, однако ее вера не означает, что в мироздании есть божественная творческая воля. Вера девушки созерцательна. Человек действия верит в свой замысел, в свою творческую силу. У Тамары же нет никакого замысла, верующая Тамара бездействует. Верующая девушка воплощает принцип сохранения человечности, она противопоставлена миру "глушцов" и "лицемеров", но удаляющаяся в монастырь Тамара убеждена, что этот принцип неосуществим, что исконные противоречия человеческой природы неразрешимы: Тамара верит, но верит наперекор разуму. Человек действия, который, выполняя свою задачу, рассчитывает только на свои силы, всегда имеет перед собой реальное задание, поэтому вера человека действия всегда рациональна. Обреченная же на абсолютную пассивность Тамара во всем полагается на бога и вместо борьбы с реальными трудностями вступает в поединок с конечными вопросами человеческого бытия. Поэтому вера Тамары иррациональна.

Демоническое существование, поверженность духа, ад скуки и одиночества с одной стороны и созерцательная вера Тамары с другой стороны — эти два противоречащие друг другу состояния возникли как следствие умирания веры, способной к действию, как следствие невозможности действовать. Дух превращается в Демона в результате катастрофической для него победы, вера же Тамары вспыхивает в поверженном мироздании при активном вмешательстве Демона. Страдающая в долине печали девушка и мучающийся в своем аду дух, верующая Тамара и неверующий Демон — оба жертвы распада миропорядка. Но когда они вступают в противоестественный союз, когда при побуждении со стороны Демона и с согласия Тамары,

несмотря на невозможность действия, они все же пытаются действовать, они превращаются из несчастных жертв в разрушителей миропорядка. Знание, которым владеет дух, и любовь, которую несет земная девушка, отторженные друг от друга, бескрылы, односторонни, непригодны для постижения человеческого существования в целом. Их же сочетание, вместо того, чтобы преодолеть эту односторонность, начинает угрожать человеческому существованию, так как сочетание искаженных начал потерпевшего крах мироздания вместо решения конечных вопросов человеческого бытия несет в себе искажения возведенные в степень.

Вера Тамары иррациональна, но иррациональная вера обязывает ее оставаться пассивной: она спасает ее от иррациональных поступков. Дух не верует, но именно его безверие, спасает мироздание от попыток духа объявить рационализм творческим началом и таким образом спасает мир от иррациональных поступков. Когда же дух и Тамара становятся союзниками, как раз и открывается устрашающая возможность: противоестественное соединение иррациональной веры и рационального отрицания грозит человеку катастрофой, порождая иррациональное действие. Поцелуй верующей девушки и неверующего духа порождает пучину, в которой тонет чистая человечность Тамары.

Демон обещал Тамаре дать ей всю полноту духовной и эмпирической жизни, хотел превратить свою возлюбленную в богочеловека. Обещание духа сбылось, но так, как сбываются слепые предсказания: как бы в насмешку над доверчивым человеком они оборачиваются своей противоположностью. От напоенного ядом поцелуя злого духа Тамара умирает. Но в гробу Тамара красивее, чем когда-либо: ее прекрасное тело облечено "по древнему обряду" в роскошный наряд, масса цветов земли украшает Тамару, а на лице девушки — особая улыбка, "холодное презрение души, готовой отшпестить". Влюбленный Демон дал то, что обещал: он подарил любимой все земное и свой демонический дух.

Однако Демон не удовлетворен. Осуществляя свой план, он не только обманул девушку, но и сам не получил того, о чем мечтал. Он хотел "верить и любить", но пробудить веру и любовь Демона

может только богочеловек, обладающий всей полнотой интеллектуального и эмпирического существования; то же, что лежит перед ним, не бог и не человек, а труп. То, что было в Тамаре человеческим, что превращало в человеческое ее дух и плоть, отлетело после смертельного поцелуя Демона. Разочарованный Демон гонится за неуловимым: он осознает, что ему нужно было то, существования чего он никогда не признавал: самосознание человека, свершающего свою человеческую миссию. Но спасенная душа Тамары принадлежит богу, и сверкающий взгляд ангела, уносящего душу Тамары на небо, говорит Демону, что он стоит у предела той сферы, которая ему отведена.

Второй бунт духа потерпел поражение. Демонический план отказывающегося от себя духа не мог увенчаться успехом, так как таил в себе противоречие, в сущности был абсурдным. Безудержному стремлению Демона к действию ничто не могло воспрепятствовать, никакая объективная сила в распавшемся мироздании не могла обуздать его волю, волюнтаризму духа положили пределы внутренние возможности самого духа. Представляя лишь одну половину мира в целом, дух никогда не сможет стать способным правильно оценивать свои возможности, правильно судить о мире и о себе. После распада мироздания блуждающий дух может погубить человека, но человеческое самосознание, его "бессмертную душу" он никогда не получит, потому что дух в конечном итоге не знает, что делать с душой.

После отчаянной попытки духа и смерти Тамары на земле все остается по-старому: в долине цветет жизнь, на мрачной горе царит тишина; мироздание ждет воскресения, но для человека нет никакой разумной возможности воскреснуть: жалобы страдальцев не нарушают спокойствия равнодушной природы.